

Кай Арбеков

Натюрморт с персиками

18+

Кай Арбеков

Натюрморт с персиками

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кай Арбеков

Натюрморт с персиками / Кай Арбеков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Для не обремененного мужчины самым ярким воспоминанием о полутора годах жизни и работы в далекой экзотической стране будут женщины, чью сладость он вкушает, словно мякоть спелых персиков, смакуя каждый кусочек. Так случилось с Эриком, эмигрировавшим в Эквадор в поисках профессионального роста и любви. О его приключениях и эротических похождениях и повествует эта книга - занимательное чтение со свежими нотками романтики и иронии познакомит вас с внутренним миром героя и окунет на время чтения в атмосферу латиноамериканских вечеринок и страстей, свиданий и поисков своего места под солнцем. Для лиц, достигших 18 лет.

Один.

Она заехала за мной ровно в полдевятого, как мы и договаривались. Я только что вышел из подъезда, достал сигарету, прикурил. Уже через минуту ее машина резко затормозила прямо передо мной, ослепляя светом фар. Пришлось выбросить окурок на асфальт, поблескивавший под фонарем желтовато-оранжевыми бликами, и забраться на переднее сидение. Двигатель с урчанием, сдерживаемым звукоизоляцией, понес автомобиль вперед по узким улицам.

– Ну что, ты готов? – спросила Кармен.

Я коротко ухмыльнулся, пристегиваясь ремнем безопасности. Мы тронулись.

– Всегда готов.

– Веди себя естественно, ладно? Не приставай ко мне прилюдно и не пытайся поцеловать. Моя сестра и кузен не знают, что мы встречаемся. Ты – просто мой друг, которого я пригласила, потому что не хотела идти одна.

– Ладно. Ты это уже говорила.

На ней было дымчато-серое платье с косой юбкой чуть выше колен, довольно облегающее и смелое. В меру глубокий вырез подчеркивал ее высокую грудь: плотные полукружия лишь давали о себе знать, лаская взор, но не смотрелись вызывающе. Она выглядела потрясно, а скромно-похотливая улыбка так и манила прикоснуться к губам. Я решил проверить, как там поживает ее киска, и сперва положил руку ей на колено. Потом, погладив немного бедро, поднялся выше, и рассчитанным до сантиметра движением пролез под кружево тонких трусиков, нащупав розовую кнопку включения ее желания. Она моментально стала влажной и под ней, отдавая тепло, запульсировало что-то глубокое и мокрое, начав поддаваться моей настойчивости.

– Воот черт! – выдохнула она, подавшись назад и прижавшись сильнее к спинке кресла. – Ты специально это делаешь?

Вместо ответа я задвигал средним пальцем вниз и вверх, стараясь действовать как можно бережнее и в то же время воспаляюще. Свет фар выхватывал из темноты стены домов, мощеную брусчаткой мостовую и лица редких прохожих, передвигавшихся по узкому тротуару вдоль дороги. Из динамиков тихо бормотал голос диджея на радио. Кармен сдержанно застыла, скривив губы и словно пытаясь отодвинуться от панели управления, выпрямив руки. Когда руль внезапно дрогнул, я отнял руку и поднес палец, на котором остались следы ее соков, ко рту, и облизнул его. Она довольно усмехнулась.

– Понял. Я просто друг.

– Черта-с два ты просто друг. Оставил меня мокрой, – она шутливо ударила меня по плечу.

– Ничего, милая, завтра мы все исправим...

Незадолго до нашей поездки тем же вечером мне позвонил Ланс узнать, каковы планы. Я сказал, что не знаю, и тогда он предложил выбраться из своих нор выпить чего-нибудь горячительного. Едва мы успели договориться о встрече, как мобильник запиликал вновь, высвечивая на экране имя Кармен. Она тоже была не прочь оторваться на какой-нибудь вечеринке, и звала с собой. Ей не терпелось увидеться, но совершенно некстати компанию ей составляли какие-то близкие родственники, совсем незнакомые мне, и вести себя было положено благопристойно, так как о наших отношениях еще никому не довелось узнать. Я не возражал. В тот момент я не стал перезванивать Лансу и объяснять ему все, а решил оставить все как есть.

Ночной Кито переливался хромированным асфальтом и стремился ослепить: светили огни главных улиц, гостеприимно пораскрывали двери сувенирные лавки, пивные, ресторанички и забегаловки всех мастей; толпы туристов, смешанные с местными жителями, выползли из отелей и окрестных домов, заполнив даже проезжую часть; движение плотным потоком двигалось среди снующих людей, мы ехали медленно, и отовсюду доносилась музыка разных

стилей, от электронной до меренге: я обожал этот город. Пост-колониальная архитектура La Zona, куда мы прибыли, и где прошлое смешивалось с настоящим, в ночное время суток создавала атмосферу праздности и отчаянного веселия, сверкая и выбрасывая в зрачки мельтешение красок, и все эти лампочки и вывески, и люди, и запахи еды, десертов, вина и бензина щекотали ноздри, а в уши врвался вихрь из обрывков чужих разговоров, перемешанных с мелодиями песен и приятным на слух бряцаньем посуды, доносящимся с веранд кафе.

Мы кое-как втиснулись в платную парковку под большим отелем, и оставили машину под землей. Пока мы поднимались на лифте, я сказал Кармен:

– Слушай, мне тут надо с другом встретиться, и мы потом к вам присоединимся. Ты пока иди в “Bungalow”, а мы подойдем чуть позже, ага?

– С другом? – она удивленно приподняла брови и наклонила вбок голову – так она делала почти всегда, когда услышанное не соотносилось с происходящим в ее голове.

– Ну да. Должен же я как-то отбиваться от твоей сестры и кузена. Сам я невысокого класса оратор, вот друг мне и поможет.

– Они и не собираются на тебя нападать, или что ты там подумал... – ее пальцы коснулись воротника моей рубашки и погладили мне шею. Лифт звякнул, пора было выходить.

– Знаю. Он позвонил мне прямо перед выходом и сказал, что тоже будет бродить по La Zona. Он отличный парень и уж точно не помешает.

– Хорошо, как скажешь. Увидимся.

Она смешалась с толпой, цокая высокими каблуками по плиткам пола. Я проводил ее взглядом и повернул налево, пересек улицу, и зашел в темный подвальчик бара без названия, но с огромным плечистым негром у входа, ошупывающим всех подряд, чтобы не пронесли оружие. Я дождался своей очереди и вошел, и в ту же секунду едва не оглох от шума: в глубине помещения громко играло гитарное соло из песни популярного в конце прошлого века рок-коллектива. Находящиеся тут же люди, наперебой болтая друг с другом, пытались перекрыть бас-гитару. Ланс сидел недалеко от барной стойки на высоком стуле за круглым столом, держа в руке стакан, наполовину состоящий из люминисцирующих кубиков льда, а на другую половину из какой-то темной мутноватой жидкости. Он поднял его вверх, приветствуя меня. Мы обменялись рукопожатиями.

– Возьми себе выпить, мой друг, – почти скомандовал он довольно серьезным тоном.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться. Я отправился к барной стойке и, изучив быстрым взглядом меню, выложенное на виниловой пластинке, заказал виски. Толстый молодой бармен принялся наливать, откидывая голову, чтобы блестящие в тусклом освещении смоляные волосы не заслоняли взор. Сбоку расхохотались. Я повернул взгляд и увидел двух девушек, пытавшихся сфотографировать себя на основную камеру мобильного телефона. У них явно ничего не получалось, поэтому я знаком предложил свою помощь. Одна из них, та, что в очках, протянула мне телефон, игриво сверкая глазками. Я посоветовал им встать напротив кислотного постера с потным Джимми Хендриком в состоянии творческого экстаза, девчонки обнялись и заулыбались на камеру.

– Чиииз! – протянул я, делая кадр.

Они изучили на экране результат, поблагодарили и уселись обратно, а я вернулся к Лансу. Мы обменялись несколькими традиционными для встречи фразами и принялись разглядывать этих самых девчонок. Они продолжали щелкать друг друга, потом опять обнялись и стали фотографироваться теперь на фронтальную камеру.

– Мне кажется, они лесбиянки, – сказал задумчиво Ланс.

– Ты так считаешь? – промычал я. – Может быть.

– Ага. Какие сиськи у этой, с каштановыми волосами. Люблю большие сиськи.

– А мне больше нравится другая, в очках.

Ланс покачал головой. Тем вечером он одел коричневую кожаную куртку, под ней черная футболка, на ногах черные же брюки. Ланс качался в спортзале, и его тело излучало грубую физическую силу; от холостяцкой жизни он здорово поправился в последнее время, и, судя по всему, не отказался бы от любой возможности потрахаться. Его глаза прямо сканировали каждый живой организм в пределах досягаемости на предмет наличия первичных женских половых признаков.

Это и подобные ему места сильно отличались от роскошных фэшн-клубов и баров, куда меня водил босс. Здесь обитали женщины раскрепощенные и необремененные, всегда готовые к новым отношениям. Я не так давно жил в Кито и еще не успел познакомиться со всеми значными местами в городе. В дневное время La Zona представляла из себя непримечательное зрелище с заурядными одинаковыми домами с исписанными граффити стенами, с разнообразными лозунгами на помоечных баках, и многие заведения, работавшие по ночам, были неузнаваемо скрыты от посетителей ролл-ставнями, и даже вывески не виднелись за металлическими перегородками, и только бесчисленные сувенирные лавки оживляли переулки. Сейчас же все расцвело пороком и жаждой новизны. Под окном нашего бара остановился зловещего вида черный дискотечный автобус. Даже сюда долетали отголоски бешеной музыки в нем, и сквозь тонированные под цвет кузова окна было видно, как внутри возле стриптизерского шеста крутится под мечущимися пятнами от зеркального шара молодая женщина в откровенном серебристом платье, а к ней непрестанно липнет какой-то горячий аргентинский мачо.

Мы с Лансом опустошили стаканы, я оплатил выпивку. Мы вышли на улицу, закурили по сигарете. Мимо сновали пары, компании мужиков, ищущих приключения, девчонки: темнокожие, азиатки, смуглые латинские чики. Бедные продавцы с лотками на шее торговали куревом и шоколадками. Так мы бродили по тротуару и сами не заметили, как выбрались на небольшую площадь Foch, очутившуюся на нашем пути, и обнаружили там чрезвычайное оживление: народу было столько, что яблоку некуда упасть; под ногами разбросаны горы пивных бутылок и мусора, на смонтированной на краю площади сцене начиналось какое-то шоу, и взгляды всех людей устремились на нее.

– О, я совсем забыл, тут сегодня ночь геев! – воскликнул Ланс.

– Геев?

– Ага. Назовем их настоящим именем. Пидоры.

Я огляделся. Действительно, на площади было полно молодых людей явно нетрадиционной ориентации. Замысловатые прически на головах. Нескромные объятия, противоестественные сплетения рук. Некоторые тарасились на меня, симпатичного, будто пытаюсь зацепиться за мой ответный взгляд. Мы остановились на минуту возле сцены. Заиграла незнакомая музыка. Сцену осветили несколько разноцветных софитов: мы увидели четверых парней с зачесанными наверх волосами, с обнаженными торсами и в кожаных жилетах с блестящими клепками. Они принялись синхронно извиваться и крутиться, выбрасывая вперед руки и сгибая в ритм колени под ударную молодецкую композицию, потом, когда вступление закончилось, на сцену вышел солист-альбинос, весь в белом, с обесцвеченными волосами, покрытыми блестками, с густо накрашенными накладными ресницами, с прикрепленным к шее золотистым микрофоном, и после возникшей среди песни паузы он запел сладчайшим голосом, двигаясь одновременно с танцорами, чьи движения нарочито выдавали в них гомосексуалистов.

Ланс подтолкнул меня.

– Пойдем. Это не для нас. Мы не такие.

Я хмыкнул и кивнул. Мы быстрыми шагами продирались сквозь толпу. Парни продолжали глазеть на меня, поблескивая пирсингами на губах и сережками в мочках ушей. Пахло марихуаной и пролитым пивом. Где-то над нами, под пухом облаков, почти незаметно перемигивались крошечные звездочки. Повеяло ночной прохладой...

Уже через несколько минут мы добрались до диско-бара «Bungalow», который занял все три этажа раскрашенного в разные цвета старого здания из потертого камня. На первом этаже вытянулась длинная стойка, занимающая всю стену и угол комнаты, несколько столиков для сидячих посетителей и главный танцпол; на втором находились несколько помещений для более тихого отдыха, со столами и диванчиками, а также открытая терраса для курильщиков, куда музыка даже не долетала. На третьем этаже, под косой крышей, среди вертикальных деревянных балок располагались несколько зеленых столов бильярдного клуба.

Когда мы вошли, первый этаж почти пустовал. Очень странно. Ручные часы показывали полдесятого. Я огляделся по сторонам, разыскивая Кармен и ее спутников, и они оказались за столиком прямо позади меня. Она помахала мне рукой, предлагая подойти ближе.

– Это Ланс, мой друг, – махнул я рукой в сторону своего накачанного приятеля. – Я Эрик.

Последовали поцелуйчики в щеку с сестрой Кармен, которую звали Сесилия, и рукопожатия с кузеном, назвавшимся Харольдом. На голове он носил короткую стрижку, а на переносице сидели овальные очки в тонкой оправе.

Потом мы начали перебрасываться ничего не значащими фразами, свойственными началу знакомства, а Кармен не прекращала болтать. Подошла официантка, дородная полная женщина в сером переднике. Мы с Лансом заказали по бокалу виски. Остальные пили пиво.

– Как-то здесь пустовато, вы не находите? – вставил я, наконец, и свою реплику. – Рановато мы все явились сюда.

– Да, – подтвердил Ланс. – Основная публика начнет собираться тут часов в двенадцать. Когда мы с друзьями выбирались в такие места, то выходили из дома только часов в одиннадцать.

– Вы собираетесь оставаться тут до конца?

– Вообще-то да, – заявила Сесилия.

– А вам что ли тут не нравится? – спросила Кармен, сложив удивленно губки.

– Ну, почему... Напротив, очень даже неплохо тут. А до сколько планируете быть здесь?

Сесилия беспрестанно крутила в руках свой смартфон и что-то писала в мессенджере. Она оторвалась от телефона и посмотрела прямо на меня.

– У меня сын пяти лет, с ним няня, мы договорились, что в полвторого ночи я буду дома... Поэтому, думаю, до часу ночи.

– Окей, – заключил я.

Харольд все это время хранил молчание. Он явно был не из разговорчивых.

Беседа развивалась как-то вяло и неинтересно. Я знал, что это только потому, что алкоголь еще не начал действовать, потом станет веселее.

Я начал рассматривать стены и потолок, расписанный темно-синим акрилом; на нем фосфоресцирующими красками были обозначены точки звезд, светившиеся во мраке зеленоватым светом, и какие-то розовато-лиловые абстрактные линии, нанесенные широкими мазками. Почти под потолком, освещенная крохотными оранжевыми лампочками, располагалась будка диджея. Толстенький симпатичный гладко выбритый коротышка, подпрыгивающий на месте в такт своей музыке, ставил задорные и весьма вкусные электронные композиции со своего Мас'а, то снимая, то напяливая вновь огромные наушники. Ему явно придется сменить направление на более латиноамериканское, когда народу станет больше, а пока он, очевидно, неплохо развлекался сам под забойные международные ритмы, понятные всякому завсегдатаю ночных клубов.

Мой взгляд случайно перешел на Сесилию, и я стал разглядывать в чертах ее лица сходство со старшей сестрой, и чем больше я смотрел, тем меньше общего находил в них. Ее лицо обладало какой-то грубоватой тяжеловесностью, скулы, словно выточенные из камня, выдавали далеких индейских предков, хотя тело, облаченное в полосатую черную блузку и широкие темные брюки, было вполне себе ничего, крепенькое, стройное, почти как у самой Кармен.

Я кивнул Лансу, и мы поднялись на второй этаж на открытую террасу, чтобы выкурить по сигаретке.

– Что ты думаешь о Кармен? – спросил я через несколько затяжек. Горячительный напиток ощутимо начал давать в голову, я почувствовал, как запульсировала вена на правом виске.

– Что я думаю о ней? По-моему, она слегка туговата и несколько глупа.

– Зато какое тело...

– Да? Ну, не знаю... Как по мне, так мелковата. Хотя на вкус и цвет...

Мне было отлично известно, что Лансу нравились женщины с роскошными формами и большими задницами, которые можно тискать и щипать до изнеможения.

– Ты хотел бы ее отыметь? – ударил он не в бровь, а в глаз.

– Не могу не ответить положительно на этот вопрос.

– Ха-ха-ха, если бы я был совсем один долгим безысходным вечером, и она постучалась бы в мою дверь, то, пожалуй, тоже не отказался бы от этого.

Мы вернулись за свой столик на первом этаже, а там уже пили мохито. Беседа потекла более непринужденно. Я сел рядом с Кармен, и время от времени она клала руку на мое колено под столом, пока никто не видел, и поглаживала его, и стискивала своими маленькими пальчиками. Это было очень приятно и добавляло некую изюминку тому знаменательному вечеру.

Не могу не пояснить, отчего она напустила столько таинственности, чтобы скрыть нашу любовную связь. Все потому, что она состояла замужем за известным адвокатом, связанным, ко всему прочему, с криминальными кругами этого города, и если бы наша интрижка раскрылась, то мне могли угрожать самые неожиданные последствия, вплоть до физической расправы или избиения резвыми молодчиками в черных спортивных костюмах. Несколько лет назад она родила ему двоих детей. Жили они в огромной квартире, занимавшей весь верхний этаж, прямо над моей головой. Мы познакомились чуть больше года тому назад, и иногда я захаживал к ним и неплохо проводил время. Супруги считали меня мастером рассказывать всякие байки, они слушали меня и смеялись, относились ко мне с доверием и даже с каким-то почтением, пожалуй. Однажды муж Кармен уехал в рабочую командировку в Уругвай, работать над каким-то запутанным делом; вернуться он должен был не раньше, чем через две недели. Произошло примерно так же, как воображал себе Ланс (он, кстати, тоже был знаком с ними, так как часто захаживал ко мне, да и жил он в соседнем доме): одним вечером она стала писать на мой телефон. В переписке мы разболтались, и она рассказала, что ей очень неудобно и одиноко находиться среди всей этой мебели, пока смотрит в темноте какой-то ужасно страшный фильм, и тогда я предложил составить ей компанию, чтобы она не боялась. Кармен не возражала. Дети давно уже спали. Мы сидели рядом на диване перед их огромным телевизором с вогнутым по тогдашней моде экраном, ноги наши соприкасались, она очень жарко дышала, и от нее так и веяло похотью. Так и произошло неизбежное: я наклонился, чтобы поцеловать ее губы, и понеслось: эротический угар завладел обоими, мы провели сумасшедшую ночь прямо на семейном ложе, размером в два с половиной на три метра.

Думая обо всем этом в последствии, я не раз про себя ругался скверными словами, называя себя идиотом, но потом... вспоминая ее такие сильные объятия, ее оргазмические спазмы верхом на моем члене, не мог не прийти к выводу, что оно того стоило, пожалуй. Это было не по-человечески прекрасно.

Мало-помалу “Bungalow” заполнялся разношерстными компаниями. Наступило то самое время, когда диджею пришлось сменить электронные ритмы на реггетон, разбавленный басами и эффектами, как бы лавируя между вкусами толпы, и стараясь угодить им всем. Кармен и Сесилия вышли из-за стола потанцевать. Прошло еще какое-то время, и все трое решили уйти. Тем вечером Кармен оставила детей у своей мамы в центре города, и должна была забрать их, и нам никак не светило встретиться той ночью. Мы с Лансом остались одни. Он взял еще виски, я тоже. В голове уже начинало гудеть от громкой музыки, и опьянение густым сиропом растека-

лось по внутренним стенкам черепной коробки. Мы переместились в столпотворение на танц-поле. Начиналось всеобщее умопомешательство. Люди пили, ликовали, веселились, выбрасывали вверх руки, подпрыгивали на месте. Музыка гремела и бухала под стать всеобщему угару. Алкоголь в голове порождал какое-то красочное безумие, и с новой энергичной композицией я стал приплясывать на месте.

В двух шагах от меня кружилась обворожительная почти чернокожая мулатка с короткой стрижкой до ушей. Ее вьющиеся шелковистые волосы подпрыгивали в такт музыке и мерцали под лазерными лучами, случайно попадавшими на них. Она была совсем молодая, одета лишь в длинную белую юбку и такого же цвета мини-топ, открывавший плечи, шею и большую часть плоского животика, словно намазанного маслом. С губ ее не сходила счастливая улыбка. Она вся извивалась, как грациозная кошечка, поднимала вверх тонкие руки, показывая гладкие аккуратные подмышки, и то и дело обнималась с высоким белым парнем возле себя. Тот в ответ пожирал ее глазами и поминутно сливался с нею в долгом жадном поцелуе. Оторваться от этой девушки было совершенно невозможно.

Вскоре я почувствовал, что ужасно устал, и сказал Лансу, что дьявольски проголодался. Он кивнул, мы с трудом пробрались через толпу. Теперь “Bungalow” был битком забит потными разгоряченными телами различных степеней черноты. Мы вышли на улицу и попытались найти какое-нибудь кафе. Повеяло свежим воздухом, стало так приятно дышать, что совсем не хотелось курить.

Завернули в первое попавшуюся забегаловку с вывеской “Shawarma”. Несмотря на позднее время, большинство столов оказались заняты людьми. В основном народ представлял из себя бородато-щетиных пакистанцев, громко беседовавшими о чем-то на своем непонятном языке, поминутно разражаясь хохотом и демонстрируя друг другу напичканные едой рты с большими кривыми зубами в коричневых пятнах. На нас никто не обращал внимания. Долговязый темнокожий официант поставил на наш стол майонез и горчицу, потом принес заказанную шаурму и колу. Опьянение начало спадать. Мы с Лансом о чем-то болтали, но я очень плохо помню, о чем именно, и теперь даже примерно не могу привести суть беседы, да это и не важно. Пожалуй, я думал, что этой ночью удачи встретить кого-нибудь уже не будет. После сытной шаурмы стало совсем хорошо. Я с удовольствием ощущал, как она, размельченная, плавает в желудке среди пузырьков газировки. Когда и Ланс дожевал, мы расплатились и снова выбрались на улицу.

Внезапно мы оказались втянуты в беседу с двумя молодыми женщинами, с которыми столкнулись недалеко от выхода из турецкого кафе. Одна из них оказалась бывшей девушкой Ланса, с которой он не виделся уже несколько лет.

– Что ты здесь делаешь? Гуляешь, старый бабник? – зачирикала она с игривой улыбочкой.

– Да, с другом, – несколько смутившись, ответил качок. – Вот, кстати, познакомьтесь, это Эрик, – указал он на меня.

Я расплылся и слегка кивнул.

– А это моя подруга, Елена, – сказала маленькая женщина, показав на свою спутницу. – Я Джулия.

– Очень приятно.

Чмок-чмок, в Южной Америке мужчины и женщины целуются при встрече. С каких незапамятных времен пошел этот обычай, не знаю, но ведь такой непосредственный контакт настраивает на более открытые отношения, хотя и не сближает сразу... Через какое-то время к этому совсем привыкаешь и относишься как к рукопожатию.

Пока Ланс и Джулия расспрашивали друг друга о делах и о том, как прошли долгие месяцы с момента их последнего свидания, я украдкой и с любопытством разглядывал Елену. Чертами лица она вышла несильно симпатичной. Длинные черные волосы как попало висели по сторонам от головы; само лицо, вытянутое и с грубоватыми чертами, скорее отталкивало,

нежели притягивало взгляд. Когда она улыбалась, обнажались крупные лошадиные зубы. Когда видишь незнакомую женщину, первым делом думаешь о возможном трахе с нею. Не знаю как там у других, но во всяком случае у меня так. Так вот, против воли, само собой у меня промелькнуло в голове, на сколько бы я оценил эту девушку в постели. Хотя не все ли равно? С выключенным светом одна от другой отличаются мало, разве что темпераментом и чувственностью. Елена была стройна и молода, и при отсутствии иных вариантов вполне себе могла сгодиться. На ней были джинсы, серая ветровка, кожаные сандалии, больше ничего, ни сумочки, никаких привычных женских причиндалов.

Я перевел взгляд на Джулию. Миниатюрная, с красивыми живыми глазами, она являла собой противоположность всем вкусам моего друга. Как ему угораздило с ней вести длительные отношения? Непонятно. Впрочем, была она весьма хороша.

Мы пару раз встретились взглядами с Еленой, но мне почему-то совсем не хотелось ни шутить, ни начинать разговор, состоящий сплошь из пошлых банальностей, поэтому я молчал. От нее исходили неловкость и желание как можно скорее пойти дальше. Я бы и вовсе не возражал против этого, но тут от Ланса поступила неожиданная инициатива устроить небольшое after-party у него дома.

– Что скажешь? – обратилась Джулия к подруге. Та явно застряла в замешательстве и не сразу нашла, что ответить. Они чуть отошли в сторонку, переговариваясь.

Я удивленно приподнял брови и повернулся к Лансу с немимым вопросом, который было несложно прочесть на моем лице.

– Все нормально, – сказал он, приподняв правую открытую ладонь на уровень груди. – Доверься мне.

Ок. Уж если кому и стоило доверять в этом мире, так это Лансу. Пусть будет по-твоему.

Нас обтекали беззаботные полуночники. Жизнь в этом злачном квартале была в самом разгаре. Какого-то совсем угоревшего в пьяных испарениях парня тащили, словно смертельно раненого, два его приятеля, громко хохоча при этом. Женщины-хищницы в узких платьях, подчеркивающих грудь и филейную часть тела, бросали высокомерные взгляды, шагая мимо на пол метровых шпильках. Торговки жвачками и сигаретами, обнимаясь и смеясь, скучали на углу улицы, дожидаясь своих покупателей и держась за свои корзинки, а мы с Лансом разглядывали их всех и дожидались своей возможности обзавестись одноразовыми подружками.

– Слушай, можно ведь... – начал было он, но тут его прервали.

– Эй, у тебя дома есть что-нибудь выпить? – спросила вдруг подошедшая из-за спины Джулия.

– Найдется, – улыбнулся он.

– Тогда поехали.

И мы поехали. Все четвером. Дошли до его Фольксвагена и расселись по местам: Джулия вперед, рядом с водителем, а мы с Еленой устроились на заднем сидении.

Я стал расспрашивать девушку, откуда она, и чем занимается. Оказалось, что она эквадорка, учится уже четвертый год в университете на отделении антропологии. Мне стало интересно, и я стал задавать вопросы по предмету, и даже с пристрастием: еще никогда не встречался ни с одним антропологом. Она отвечала без энтузиазма и короткими фразами. Несколько раз наши колени соприкасались, но она не убирала ногу, из чего я сделал вывод, что раз она решилась на поездку с незнакомцем, то одинока, и не прочь провести со мной остаток ночи.

Дома Ланс откупорил бутылку виски Chivas Regal, которая стояла и дожидалась особого случая уже долгое время, набросал лед в стаканы, и начал разливать.

– Я, пожалуй, буду кофе, – сказал я.

– На кухне, амиго, приготовь себе сам, не сочти за труд.

– Порядок. Ты что будешь пить, Елена?

– Предпочитаю кофе, как и вы.

– Умоляю, не обращай ко мне на “вы”. Сейчас сделаю и принесу.

Я отправился на кухню и поставил на плиту чайник, рыская по подвесным шкафчикам в поисках растворимого кофе. В раковине скопилась куча немытой посуды. Боже мой! Неужели так трудно помыть тарелки? Еще девушек к себе позвал, холостяк. Впрочем, он ведь не думал, что так повернется. Набросив на раковину кухонное полотенце, продолжил поиски и обнаружил стеклянную банку с растворимым кофе в холодильнике. Конечно, там ему самое место. Теперь осталось найти чистые кружки. Когда я, наконец, вынес дымящийся черный напиток в гостиную, оказалось, что Елена сидела там одна и со скучающим видом смотрела телевизор.

– Куда они все запропастились?

Вместо ответа она махнула в сторону закрытой спальни.

– Уже?

– Видимо, Лансу совсем не терпелось, – уголки ее губ слегка приподнялись.

– Ты права. В последнее время его воздержание продолжалось непозволительно долго. Бедолага. Ты не представляешь, как он страдал без девушки.

Я пододвинул поближе к дивану журнальный столик с находившимися на нем кружками, и принялись смотреть на экран, отхлебывая ароматный “Хуан Вальдес”. Показывали одну из серий “Убийства”. Оказалось, Елена являлась яркой поклонницей этого растянутого на несколько сезонов детектива, я же совершенно не был знаком с сюжетом и тщился вникнуть в перипетии происходящего, через каждый кадр расспрашивая, кто этот персонаж и кто тот, и какова его роль в теле-пьесе. Она отвечала неохотно, но все же рассказывала, пытаясь передать суть одной-двумя фразами.

Покончив с кофе, мы откинулись на спинку и придвинулись друг к другу. Из закрытой спальни начали доноситься вздохи и стоны. Нащупав на толстом подлокотнике пульт, я немного прибавил звук, чтобы перекрыть возгласы чужой страсти. Еще через несколько минут я почувствовал голову Елены на своем плече и ощутил мускусный запах ее смолянистых волос. Я знал, что стоит мне обнять ее за плечо, прижать к себе поближе, а потом поцеловать, как произойдет то, чего так хотело мое тело. Но разум скорее противился этому, и мозг подавал сигналы сознанию, чтобы я сохранял благоразумие, и отчего-то я не стал делать этого, а Елена не предпринимала никаких попыток сама. Я просто молча сидел и наслаждался мягким теплом, исходившим от нее. В душе моей воцарилось умиротворение.

Серия закончилась, и только тогда я заметил, что девушка-антрополог спит. Несколько удивился. Хотя чего уж тут удивительного: время почти утро, устала очень, да и алкоголь утомляет, даже кофе тут не помощник. Пусть спит себе, не буду мешать. Выключил телевизор, потушил свет. Осторожно уложил ее на диван, подставив под голову подушку. Даже укрыл ее покрывалом. В соседней спальне все стихло, скорее всего, там тоже давно спали. Я крадучись притворил за собой дверь и отправился в свою квартиру.

Ох, амиго, амиго, стареть начинаешь...

Два.

Следующим вечером я вернулся с работы часов в шесть. Надо бы пояснить, что в Кито, находящемся прямо на экваторе, солнце всегда встает и ложится в одно и то же время: полседьмого утра и полседьмого вечера. Этот распорядок никогда не меняется, как в общем, и погода, и оттого начинает казаться, что каждый день похож на предыдущий. С равномерным офисным расписанием это и правда так: ты приходишь вечером домой, готовишь ужин, потом встречаешься с кем-нибудь, разговариваешь о чем-то, а потом ложишься спать, а с утра опять на работу, и все по новой.

Пришла смс-ка от Ланса: “Эй, дружище, ты почему не удовлетворил вчера красотку-студентку? Она, кажется, осталась сильно недовольна”.

“Иди ты, – ответил я, послав шутливый смайлик. – Никакая она не красотка, себе-то подцепил получше, засранец”.

“Я не виноват, что они были вместе. Была бы королева красоты, уступил бы ее тебе!”

Эх, знал бы ты, друг, что те несколько дней моей жизни были всецело посвящены женщине, которая каждый вечер раскрашивала ее, заурядную жизнь мою, яркими красками сумасшедших эмоций, вспыхивавших, пока я был с ней, подобно фейерверку.

Обычно часов в девять вечера она начинала писать мне на телефон, что можно придти, потому что дети уже легли спать, и никакой опасности попасться кому-то на глаза не существовало. Тогда я осторожно выскальзывал из квартиры и как можно тише поднимался вверх, тук-тук в ее дверь; почти сразу она открывалась, и я прошмыгивал в царивший у нее полумрак. Точно так же произошло и в этот вечер. Нам предстояло провести два-три часа страсти.

Она по своей привычке смотрела телевизор, кино по платному каналу. Комнаты детей были уже плотно закрыты. Из коридора доносилось тикание больших напольных часов с маятником. Я присел рядом с ней, подолгу закрывая глаза и предвкушая приближавшееся с каждым мгновением удовольствие. Кармен услужливо подложила мне под спину подушку и сильно прижалась ко мне, подогнув под себя колени и положив на них руки. Все ее одеяние состояло из одного только тонкого шелкового парео, связанного на шее, и это сильно возбуждало.

Я принялся поглаживать ее ступни, массируя пальцы босых ног, водить рукой по бедру, потом прикоснулся к ее руке, проводя пальцами по ладони, и она со сладострастием и ответной нежностью принялась повторять мои движения, все теснее прижимаясь ко мне. А ладонь, увлекшись, уже проникла под тонкий шелк и принялась ласкать ее грудь. Об этой части ее тела стоит сказать отдельно: я еще никогда в жизни не встречал такую пару сахарно прекрасных сисек! Она была выдающейся, плотной, с маленькими торчащими сосками, которые сильно твердели, если их немного потереть. Сами полусферы не помещались в ладони, и чтобы погладить их целиком, надо было проводить круговые движения. Не были они слишком уж большими, но и маленькими их тоже не назовешь. Иными словами, совершенство. Кроме всего прочего, были они для Кармен еще и чувствительной эрогенной зоной, и она сильно любила, когда я что есть мочи сжимал ее грудь, целовал, и даже призывала тискать грубее.

Рука спустилась пониже, доползла до пупка, который я нежно погладил, и устремилась дальше, к внутренней стороне бедер, и когда я стал ласкать их, сжимая пальцами, она выгнулась, выпрямив спинку, которую я обхватил другой рукой, и выдавила из себя тихий стон. Ай... Она всегда так восклицала с придыханием, и вздох постепенно затихал. Глаза были прикрыты, дыхание участилось. Добравшись до лобка (все, что находилось ниже головы, было тщательно выбрито), я обнаружил, что там уже все мокрое и готово к продолжению. Средний палец мой проник в узкую пещерку и начал понемногу вращаться внутри горячей и мокрой вагины. Ай... Смазка вытекала из нее с нежным хлюпаньем.

В этот момент она потащила меня в спальню, закрыла дверь на внутренний замок. На прикроватной тумбочке тускло светил ночник. Когда она скинула с себя платок, я тоже принялся раздеваться, и тогда мы остались совсем голыми, тела наши соприкоснулись, и мы окунулись в жар объятий и поцелуев. Поначалу она целовала почти закрытым ртом, но постепенно мне удалось просунуть язык глубже, и тогда Кармен в ответ принялась его обсасывать и гладить снизу и с боков собственным языком. Член приходил в состояние готовности, и она одной рукой пожимала его, принуждая стать еще тверже, чтобы можно было уже начать наш акт любви. Это было очень приятно, и совсем скоро я положил ее на спину и стал ласкать губами все тело, безмолвно веля ей проявить немного терпения, пока все чувственные индикаторы на ее руках, плечах, ногах, животе и груди не загорятся красными лампочками абсолютного желания. Я поднимался вверх, обводя языком вокруг сосков, и тогда Кармен обхватывала рукой мои волосы, и приникала ближе. Тогда я высвобождался и шел ниже, пока не оказывался

возле сочащейся нектаром промежности. Несколько движений языком, и она приподнимала таз, чтобы мне было удобнее работать языком. Я засовывал в нее пальцы и двигал ими в ней, и она крепко зажмурилась от удовольствия. Ай... Ай...

О, это была очень горячая и чувственная женщина! Занимаясь с нею сексом, ощущал себя как во сне: ведь в жизни так хорошо быть не может, верно?

Когда уже невозможно было ее терзать, я прекратил свои ласки и вошел в нее. Она легонько затрепетала при этом, а я почувствовал, как мой пенис обволокло приятное влажное тепло ее лилейных шелковых тканей, сжимаясь и пульсируя, зажигая где-то под корой головного мозга крохотные звездочки и нажимая одновременно на все узлы, вызывающие удовольствие.

– Неет, – простонала она. Это конечно же вовсе не означало нет. На языке любовной экзальтации это означало “Да, возьми меня, черт подери, возьми!”

Я стал медленно двигаться в ней, а она сокращением интимных мышц сжимала мой член, и тогда я стал разгоняться в ней, туда и обратно...

– Уууфф, – выдохнула снова она. – Я с ума сейчас сойду.

Потом она подняла вверх ноги, – так ей нравилось больше, и одной рукой схватила меня за ягодицу, через каждое мгновение притягивая к себе и задавая ритм. Так я трахал ее, пока не устал, потом мы поменялись, и она оказалась сверху, сдавливая мой член с боков и в то же время медленно опускаясь сверху. Еще. Еще, еще и еще раз.

– Ооохх, – вырвалось у нее тихо.

Тогда она задрожала и кончила, и тут же, не останавливаясь ни на секунду, стала продолжать, подняв вверх колени, так она двигалась на мне на корточках с искаженным от наслаждения лицом, и через пару минут кончила снова, вскрикнув напоследок, и упала рядом, тяжело дыша. Тогда я повернул ее на спину и быстрыми движениями довел себя до иступления. Там, внутри, было все так же влажно и горячо, и хлопало, и бурлило, а я глядел на ее лицо, на грудь, как она откинула руки, обнажив маленькие подмышки. Груды поднимались и опускались, я уже был на грани, и сам тяжело дышал, с трудом сдерживаясь. В конце концов я вышел из нее и извергнул струю белой кипящей спермы на так и просивший об этом животик, забрызгивая соски и утопив в клейкой жидкости пупок.

– Оу, – только и смогли сказать мои губы.

Кармен рассмеялась. Она сказала, что после рождения второго ребенка перенесла какое-то осложнение, и больше не сможет иметь детей, поэтому я могу кончать в нее сколько угодно.

Мы лежали вместе, обнявшись, затем я поднялся и принес туалетную бумагу, вытер ее, себя, подал стакан воды. Мы еще раз легли рядом друг с другом, молча, я гладил ее плечо, ее волосы, закрытые веки, нос. Кармен отдыхала. Я тоже, не веря своему счастью. Успокоение накрыло нас обоих, но ненадолго.

Через какое-то время я предложил сделать ей массаж, она достала из тумбочки пузырек с маслом, легла на живот, и я обильно полил ей спину, плечи, ягодицы и бедра. Растер масло и начал поглаживать ее, чередуя нежность с силой, требующейся для полного расслабления мышц. Это было приятно делать, так как тело ее являло собой идеал художника, оно восхищало мой довольно привередливый вкус к женщинам: ни одной родинки, кожа гладкая и ухоженная, бархатная и теплая, красивого смугловатого оттенка, данного ей от природы, – такой коже не нужен загар. Ноги тонкие, с изгибами везде, где полагается, попка твердая и округлая, ни дать ни взять ожившая античная статуя богини любви! Каждый день, говорила мне потом Кармен, отвезя детей в школу, она бегала десять километров. Конечно, это помогало ей поддерживать тело в такой прекрасной форме.

Неожиданно она повернулась на спину и, дотянувшись до пузырька, разлила масло по животу и груди, кивком прося меня растереть его повсюду, чем я и занялся. Но уже совсем скоро она прекратила мои движения, притянув руки к низу живота. Я стал массировать ей

верхнюю часть бедер, потом дошел до входа влагалища, и там все снова было готово к продолжению вечеринки! Мой большой палец без труда проник внутрь, а там, внутри, кажется, все расширилось, и приходилось массировать с большим усилием, чтобы ей было хорошо. Между тем она принялась сама теревить свою ягодку, стимулируя мастурбацией свое удовольствие, и от этого зрелища мой пенис стал вновь наливаться кровью. Боже мой, как это отличалось от поведения в постели многочисленных ханжески воспитанных девушек и равнодушных шлюх, с которыми сталкивала меня судьба до этого! Кажется, таким образом меня кто-то сверху вознаграждал за терпение, дав такую совершенную в технике любви партнершу.

Когда мне стало казаться, что я уже готов к совокуплению, то попытался войти в нее, но на самом деле член еще недостаточно окреп. Кармен заметила это, опрокинула меня на спину и взяла его в рот. Черт, да и минета такого мне еще никто не делал! Она заглывала его целиком, массируя одновременно руками, вытаскивала его изо рта, шлепала о свою щеку несколько раз, крутила в воздухе, вызывая возбуждение, повторяла снова облизывание, вытаскивала его, засовывала между сиськами, с силой сжимала. От всех этих действий он действительно стал твердым, как камень, тогда я уложил ее на спину и вошел сверху.

– Ууухххх, – проговорила она, когда это произошло.

Мой член двигался в ней свободно, и я трахал ее со всей страстью и со всем жгучим удовольствием, на которые только был способен, вонзаясь, втыкаясь, будто заколачивал большой гвоздь. Все повторялось по второму кругу. Устав, я лег на спину, а она взобралась сверху, и стала елозить на мне. Мой инструмент вытянулся, а головка стала такой твердой, что при выходе из вагины почти доставляла боль. Мы оба взмокли так, что пот блестел мелкими капельками на коже. Она кончила, задрожав всем телом, затем, не вынимая член, легла сбоку. Я отлично знал, что это не предел ее возможностей: эта девка могла изнурить до смерти своей ненасытностью, но моя сила не была безграничной. Я повозился в ней сбоку, потом положил ее на живот и стал мощными движениями входить и выходить из нее сзади. Кармен приподняла таз, раздвинув ноги, но мне намного удобнее было, когда она просто лежала.

– Обожаю... Мне так хорошо.

Кармен застонала. Она хотела еще. И я делал это еще, трахаясь так, как никогда раньше в жизни, пожалуй, не трахался, потом стал втыкать в нее свою стрелу любви до самого основания, и задерживал его там, в глубине на несколько секунд, ощущая, как там все трепещет от невыносимого возбуждения, и уже через несколько подобных ударов, сквозь сокращения от еще более сильного, чем прежде, оргазма почувствовал, как сгустки спермы вылетают из члена и остаются в ее горящем лоне.

– Нееет, не останавливайся, – сказала она.

– Эй, ты меня просто убьешь, дорогая, мы ведь занимаемся этим так долго, что скоро сердце мое остановится. Мне уже, однако, не двадцать лет.

Она засмеялась. Пришлось во второй раз идти за туалетной бумагой.

– Это было хорошо, очень хорошо. А тебе понравилось?

– Шутишь? – я все еще не мог отдышаться. – Это было прелестно.

Хотя прелестно, пожалуй, не самое подходящее слово. Но раз вылетело, теперь уже не поймаеть.

– Я хороша в постели?

– Хороша – это еще очень слабо сказано, подруга. Не отражает всей глубины кайфа, испытанного с тобой.

Я стал целовать ее плечи, гладить волосы, гладить спину.

– Так со мной не обращались мужчины. Ты слишком нежный. Ты заставляешь влюбиться в себя. Так меня не целовали и не обнимали. Это сводит с ума.

Я широко улыбнулся.

– Что говоришь такое? Не верю ни единому твоему слову.

– Это правда... С мужем у меня совсем все по-другому... Просто секс. Без поцелуев и объятий. Однажды я стала целовать его в губы, а он мне: “Ты в своем уме?”

Я рассмеялся. Рука моя сама по себе гладила ее спину, пологой горкой спускающуюся к ложбине перед двумя круглыми холмиками ягодиц.

Кармен стала рассказывать мне об отношениях с мужем. Видимо, накопело. Я лежал рядом и слушал. Оказывается, ее брак нельзя было назвать счастливым. Ее муж, Карлос Ольвейда, ей изменял. Временами он приходил домой пьяным. Временами не приходил вовсе. Вся причина раздоров с мужем состояла в том, что Кармен в голове издавна сидела фантазия попробовать секс втроем, с двумя мужчинами. Вообще-то в супружестве верность ее никогда не подвергалась сомнениям со стороны второй половины, но эта навязчивая мысль ее не покидала, и вот она однажды высказала ее мужу. Тот, видимо, переваривал долго эту идею, но жену свою огорчать не хотел. Поэтому в один прекрасный день они поехали к одному из его друзей и занялись сексом втроем. Кармен была удовлетворена и больше, с ее слов, повторять эксперимент не намеревалась. Но, очевидно, Карлоса (а он был тем еще ревнивцем) этот опыт немало задел, а потому он тоже ей кое-что рассказал... О том, что встречался с каждой женщиной из своего офиса. Это чуть не свело ее с ума, бедную женщину, а ведь ей еще и тридцати не было.

– У меня на родине говорят, что мужчина ни в коем случае не должен жаловаться на машину и на жену: обеих выбирал сам. Ты тоже выбрала его сама, не так ли? И замуж он тебя насильно не толкал? Хотя если откровенно, я не понимаю, как, имея такую красавицу, такую жаркую женщину, он хочет идти на сторону за другими.

– Думаешь, ты единственный, кто мне говорит, что я хорошенькая? Что я нереально хороша в постели? Но ведь я пожертвовала всем в своей жизни, чтобы быть с ним, и хочу быть с ним до самой смерти. Ради него, кто единственный и не ценит меня такой! Как он мог так поступить со мной? И ведь они все уродины, понимаешь, все до единой!

Осознание этого разбило ей сердце. Довело до безумия. Она сильно страдала, а после даже заболела и пребывала в жестокой депрессии, которую смогла перебороть лишь спустя несколько недель. Но и до сих пор грустные мысли время от времени возникали в голове, и обида терзала ее, и тогда они скандалили так громко, что и до меня, соседа снизу, доходили эти вскрикивания и всхлипы.

– Послушай... ты ведь прекрасно понимаешь, что твоя жизнь в твоих руках. Если тебе плохо с ним...

– В моих руках? Она в его руках! Куда я пойду, если останусь одна? С двумя детьми. Я конечно смогу и постоять за себя, и заработаю достаточно для жизни... Но ведь я люблю его очень сильно. Это тот человек, с которым я хочу провести остаток жизни. Несмотря даже на то, что он такой.

– А он тоже любит тебя. Он ведь все-таки адвокат и провести бракоразводный процесс для него должно быть парой пустяков. Раз не делает это, значит, его выбор – ты.

– Да его семья его убьет, если он сделает это. Он же дал клятву у алтаря. Он женился на мне, и я родила ему детей. Он может и хотел бы это сделать, но боится свою семью. К тому же все друзья и братья вечно говорят, какая мы прекрасная пара, и что никогда не видели семью счастливее нас. Так вот и живем.

– Надеюсь, он образумится и станет снова тем, кто тебе нужен. Идеальным мужем, – сказал я с искренней грустью. Пришлось нести какую-то чушь, потому что я больше не знал, как выразить свое сочувствие. – Мужики с годами все равно приходят в себя и возвращаются в семью насовсем. Он тоже опомнится, и все у вас станет хорошо.

– Да, пусть так и будет. Только я давно хотела ему отомстить, – с неожиданной злобой в голосе произнесла Кармен. – Он очень мало времени уделял нам. Детям. Одна работа на уме да эти шлюхи. Как мне это все надоело...

Я ушел от нее в подавленном настроении. Этот последний разговор оставил неприятный осадок. Типичная история. Типичные брачные проблемы. Интересно, у меня так же будет? Надеюсь, что нет. Я вышел на балкон выкурить сигарету. Стало прохладно. Редкие машины пронеслись внизу, шелестя шинами по асфальту. Листья деревьев зеленели и отражали желтоватые блики от уличных фонарей. Дым выходил из ноздрей и рта мелкими густыми облачками. Все тело ощущало приятную усталость от долгого секс-марафона. Под черепом клубился серый туман, будто дым от сигареты как-то попал внутрь пустой башки. А последние слова Кармен все никак не выходили у меня из головы.

Мне было искренне жаль ее. Но чем я мог помочь? Единственно разве тем, что никак не стану лезть в личную жизнь ее семьи. Ведь то, чем мы занимались, рано или поздно должно было закончиться, и тогда все. Никакой больше связи.

Я посмотрел на часы. Было поздно, начинался следующий день, а наутро рано вставать и ехать в офис. Я закрыл дверь и лег в кровать.

Три.

В течение этих двух недель, пока мы встречались, образ Кармен был со мной постоянно. Закрывая глаза, видел перед собой ее лицо. Я думал о ней, пока пил кофе за рабочим столом. Пока просматривал электронную почту. Пока ел или разговаривал со своими людьми. Пока был в душе. Особенно в душе. Намыливая голову и опуская глаза на нижнюю часть тела, иногда я ругал свой пенис за то, что в одну из предыдущих встреч он не сделал все как полагается. Иногда я хвалил его за стойкость и упорство, с каким он выдерживал не в меру буйный темперамент Кармен. Он молчал и висел, расслабленный, отдыхая.

Может быть, это любовь? Привязанность? Но нет. Я знал, что такое любовь. И привязанность. Это было совсем другое. Наваждение, пожалуй. Волшебные чары, наложенные на меня ведьмовским заклинанием. Ее необычно зеленые для латиночки глаза были похожи на очи колдуньи.

Временами она писала мне сообщения на смартфон, отвлекая от дел. Я ласково обзывал ее ведьмой и шутил с ней. Ей, похоже, нравилось. И она тоже говорила, что думает обо мне не переставая.

Вопрос, чем заняться вечером, отпадал сам собой. Этот короткий роман мне давал вдохновение и веру в свои силы. Мне хотелось заняться чем-то, что могло высвободить пробудившуюся вдруг во мне внутреннюю энергию. Только в тот вечер я пришел к Кармен в несколько ином расположении духа, чем обычно. Перед выходом я опустошил стопку водки, почистил зубы, чтобы не пахло, и осторожно, стараясь не шуметь, стал подниматься по лестнице.

– Вчера ты сказала мне, что давно хотела отомстить Карлосу. Эй, но мне совсем не хотелось бы быть лишь орудием твоей мести. Мне он не сделал ничего плохого...

– Спокойно, ты никакое не орудие мести, – мы уже были в спальне, и вокруг царил ступившийся полумрак: единственным источником освещения была лампочка на прикроватной тумбочке, протягивавшая от себя по сторонам короткие желтые лучики сквозь отверстия в абажуре из бежевой материи. – То, что я поделилась с тобою своими проблемами, – заключила Кармен, – вовсе не говорит о том, что я тебя как-то использовать хочу. Это говорит лишь о том, что я доверяю тебе, как другу.

Она мягко улыбнулась, обняла меня, сомкнув запястья за моей шеей, и едва ощутимо погладила меня по затылку.

– Ну, хорошо. Кажется, ты меня успокоила, – я тоже улыбнулся ей в ответ.

Мы поцеловались. Она открыла тумбочку и достала из нее маленькую синюю шкатулку из окрашенной в синий цвет жести.

– Я тут нашла косячок с марихуаной, оставшийся от Карлоса. Не хочешь затянуться?

Я отрицательно тряхнул головой.

– Никак нет, моя госпожа. Травка действует на меня настолько расслабляюще, что я потом просто ничего не смогу сделать.

– Окей. Никогда в жизни меня так не называй, госпожа. Просто Кармен, никак иначе. Терпеть не могу, сеньор. Я все же покурю немного.

Она зажгла конец тонкой самокрутки и затянулась, задержала дыхание, потом выдохнула обратно целое облако сладковато-одурманивающего дыма. Еще пара затяжек, и она погасила косяк, и спрятала бычок обратно в синюю коробку. Она легла поперек кровати и прикрыла глаза.

– Как хорошо. О, мне так хорошо.

Я знал, что марихуана пробуждала в ней зверский раж. Но торопиться не стоило. Я начал не спеша раздевать ее. Расстегнул халатик. Стянул рукава. Взялся за резиночки на лоскутках кружевной ткани, опоясывающих бедра. Аккуратно стащил с нее трусики. Поласкал живот и грудь. Она загорелась быстро, оставалось только поскорее покончить с прелюдией и приступить к делу. Но мне совсем не хотелось спешить. На ней остался только лифчик. Я помял ее бедра, потом раскрыл промежность и стал играть языком с ее торчащим розовым бугорчком. Кармен прижимала меня к себе одной рукой, но этого, по всей видимости, было недостаточно, чтобы ее удовлетворить. Она притянула мою руку к своему вместилищу удовольствий и заставила засунуть в себя два пальца, и сама задала довольно быстрый ритм, чтобы посильнее имитировать фрикции жесткого секса.

И я начал водить в ней пальцами, каждую секунду ощущая, как там, внутри, скользко, влажно и горячо. А еще посильнее глядя одним пальцем твердые края вагины, другим одновременно дотягиваясь до круглого бугорка в глубине, массаж которого приносил ей краткие мгновения особенно сильного удовольствия. Указательным пальцем другой руки я осторожно проник в соседнюю дырочку, и стал двигаться в ней параллельно, чувствуя пальцы обеих рук сквозь тонкую стенку, разделяющую их. Она дышала тяжело и хрипло. Наконец я разогрел ее так сильно, что продолжать это мучение было напрасной потерей времени и сил, которые можно было употребить теперь на большее блаженство. Я в мгновение ока избавился от скывавшей меня одежды, и теперь мы оба были обнажены и заведены до предела. Она раздвинула ноги, чуть приподняв таз, чтобы мне удобнее было войти. Я сделал это не сразу, водя членом у входа во влагалище и дразня, и распаяя ее посильнее. Оттуда крупными редкими каплями вытекала бледная густая жидкость, похожая на сперму. Кармен лежала с закрытыми глазами. Я погладил безымянным пальцем ее губы, она слегка прикусила верхнюю фалангу и стала всасывать ее в себя, облизывая, как эскимо. Наконец, произошел контакт: я с небольшим усилием воткнулся в нее, ощущая, как внутри ее все сжимается от радости встречи.

–Ммммм... Нет... – проговорила она. Голос ее стал хриловат, низок, но тембр был приятен. И это Кармен, которую я знал уже год, добрая элегантная хозяйка с очаровательными малышами, живущая по соседству. Кто бы предполагал, что под маской кроткой овечки живет такая пантера.

Я внимательно смотрел на её сомкнутые веки. Ресницы трепетали на них мелкой дрожью. Одной ладонью я гладил ее волосы. Кармен была очень мила. Несмотря даже на то, что мы, уже потеряв счет времени, долго занимались сексом, мое отношение было к ней двойственным: вопреки телесной нашей связи я почему-то хотел думать о ней как о сестре, как об очень хорошем друге, чьей дружбой стоит несомненно дорожить. И даже если бы мы оба были свободны, в первую очередь она была бы близким духовно человеком. Да и что могло бы произойти, если бы она не была замужем? Стали бы мы встречаться, поженились бы? Отчего такие мысли возникали в моей голове, я понял значительно позже... А пока мы упивались страстью, нам было хорошо.

Пахла она восхитительно. Я вдыхал смешанный с соками сексуального азарта аромат ее молодого еще тела, наливавшегося подлинной зрелостью; и все ощущения вместе, тактильные, обонятельные, зрительные и слуховые, перемещались от нервных рецепторов к центрам удовольствия электрическими разрядами, взрываясь в мозгу вспышками чистого кайфа и наполняя эйфорией кровеносные сосуды. Оставалось объединить эти ощущения с вкусовыми. Кармен открыла глаза, почувствовав, верно, на себе мой взгляд, и тогда мы слились в долгом сладком поцелуе. Этот горьковато-приторный осадок марихуаны еще был на ее языке, да и наверняка действие ее не окончательно еще ослабело в ней, но уже точно вытеснялось другим, более сильным эффектом сладострастия. Я двигался медленно, чувствуя, как головка пениса проходит между ее внутренними мышцами, сдавливаемая, каждый раз наливаясь новыми силами для продолжения.

– Тебе хорошо так?

– Да... Очень, я просто схожу с ума, – она ответила не сразу, облизав пересохшие губы и тяжело дыша. Веки ее вновь сомкнулись.

– И мне. Ты такая... – я не находил слов, чтобы описать свои чувства. Слова далеко не всегда описывают то, что на самом деле хочет сказать голова.

– Я раньше думала, что мне нравится только когда это делают сильно, но оказывается, и так без спешки тоже... Так здорово.

Кармен выгнула спину, и я обхватил ее двумя руками, расстегнул бюстгальтер, высвобождая томившиеся под ним персики и припадая к ним губами.

Потом мы поменялись местами.

Она кончила почти сразу, как только оказалась наверху, мелко сотрясаясь, лицо ее искривилось, губы разошлись, давая выход страстному стону. Потом легла на меня, отдыхая и давая отдых мне. Я прижимал к себе ее голову, наслаждаясь каждым вдохом, который передавался мне от ее расширяющейся груди.

Потом мы продолжили. Она все еще была сверху, и я почувствовал, как взяв мой пенис, она стала проталкивать его потихоньку в узкое отверстие, которое сжимало его ощутимо сильнее, чем раньше, но это было не влагилице. Это была ее попка. Она улыбнулась, когда я весь пролез туда, и мы стали трахаться с новыми ощущениями, и это было очень здорово.

Я кончил сразу после нее, и член весь исходил импульсами и сокращениями, разряжаясь внутрь.

Кажется, очередной безумный марафон подошел к неизбежному финалу. Она снова легла сверху, положив голову на грудь.

– Сегодня – последняя ночь, которую мы провели вместе. Завтра возвращается Карлос. И я теперь, как и раньше, буду верной послушной женой. Никто не должен ничего знать или заметить...

– Знаю. Никто и не узнает. Я не скажу ни единой душе. И ты должна уничтожить все мои следы, чтобы ничего не осталось. Все, что касается меня.

– Не беспокойся. Я это уже сделала.

– Как хорошо мне было с тобой... Так, как еще никогда и ни с кем. Это был просто сон. Один из тех снов, которые посещают мою сумасшедшую голову по ночам.

– Сон? Ну, пусть сон. Я буду скучать по тебе. Хоть и сон, а это был потрясный сон. Нет, не сон. Не говори, что сон. И я буду всегда твоим другом отныне. Я верю тебе и верю в тебя... Что бы ни происходило, ты всегда можешь делиться со мной этим.

– Это будет классно, – согласился я. – Быть друзьями – всегда лучше, чем любовниками. Быть любовниками – путь к саморазрушению и разрушению семьи... А этого я как раз и не хочу. Слишком уважаю тебя и Карлоса тоже... Хочешь, я съеду из этого дома?

– Нет, что ты... Ничего не будет. Просто я сохраню воспоминания, и только. В остальном мы будем просто соседями.

Я оделся, и мы вышли в темную гостиную. За закрытыми дверями детских спали ее дети. Чужие дети. И видели свои невинные детские сны. На прощание мы обнялись и поцеловались в последний раз. Я держал в руках ее миниатюрное тело, и не мог надышаться запахом ее волос. Но пора. Не прощаясь, повернулся и вышел вон. Кармен беззвучно затворила дверь за мной.

Спустившись к себе, я выпил вторую за эту ночь стопку водки, затем вышел на балкон и долго сидел за маленьким столиком своим, выкурив две сигареты подряд. В голове плавал табачный туман, состоящий из сожаления, печали и осознания того, что праздник закончился. Тело гудело от усталости, очень хотелось предаться забвению и отпугнуть от себя рой грустных идей, наполнявших теперь все мое существо.

Наконец ко мне вернулась самая главная мысль, не дававшая покоя, и которую я, схватив воображаемую битку, всячески отгонял от себя уже на протяжении нескольких лет, не чураясь покалечить сознание в отчаянии своем: кто я? Что делаю на этой планете? Что предстоит мне сделать? Зачем я существую? Найду ли я настоящую любовь своей жизни?

Черт побери, мне уже исполнилось тридцать четыре года, и затянувшийся угар бесконечных праздников рано или поздно должен был закончиться. Есть время для праздников, а есть время обустройства своей жизни. Что делать, когда вечеринка закончилась, и танцпол опустел? Пора взглянуть правде в глаза... И я взглянул. Передо мной возвышалась высокая бетонная стена, через которую требовалось перебраться, чтобы найти ответы. Как будто надо было решить большую рабочую проблему или школьную задачу. Вот только ни обучением, ни работой она не являлась. Это жизнь, малыш, сказал вдруг внутренний голос. Стена. А цепких когтей, чтобы перелезть через эту громадину, мне не выдали. И никаких зацепок, ни средств преодолеть преграду видно не было. Со вздохом я подумал о том, что отныне каждый день мне предстоит искать способ делать это... Как? Может быть искать жерди, чтобы сконструировать лестницу. А может стоит научиться слушать этот тихий голос, подсказывавший что-то? Или понимать свои сны? Больше нельзя притворяться кем-то. Настало время становиться самим собой...

Четыре.

Спустя неделю воспоминания о Кармен притупились, но не исчезли совсем. Я изредка продолжал думать о ней. Лишь раз за все это время мы встретились в лифте нашего дома. На ней был белый сарафан с черным рисунком в цветочек. До ноздрей донесся тихий аромат безупречных духов. Мы поздоровались и осведомились друг у друга, как идут дела.

– Хорошо, – сказала она, и ничто не выдавало в ней ту страстную натуру, какой она на самом деле являлась. Надо отметить, что так было и до нашего романа: Кармен просто была соседкой, хорошей знакомой, ничего больше. – Как работа?

– В последнее время совсем стало много дел. Еле успеваю. А так все путем. Как там Карлос? Тоже работает?

– О, у него все отлично прошло. Говорит, что устал очень сильно от поездки. Вечерами никуда не выходит и рано ложится спать.

– Я еще не встречался с ним.

– Мы пригласим тебя как-нибудь на ужин.

– Спасибо.

Лифт поднялся до моего этажа, я вышел, а она поехала дальше. Не успел я зайти домой, как на телефон пришло сообщение от Кармен. “Я очень скучаю по тебе. Какие же мы сумасшедшие, но я больше. Ты замечательный. Постарайся быть собой и быть хорошим мужчиной” – гласило оно. Эта маленькая женщина словно прочитала мои мысли и мое смятение. Я уже включил было электронную клавиатуру, чтобы набрать ответ, но в последний момент просто погасил экран.

Надо отвлечься и забыть ее. В ней нет будущего. Она чужая женщина, не моя. Забыть. Отвлечься... Очевиднейшим способом сделать это было найти другую. Подружку на пару ночей или любовь всей жизни, – это уже неважно сейчас, главное, – выбросить Кармен из головы. Я пришел домой и начал копаться в списке контактов в телефоне – кому я звонил в последнее время или кто проявлял ко мне интерес, может быть, кто-то, на кого я не обратил внимание... Но ничего подобного я не обнаружил.

Кажется, никто на всем белом свете не нуждался во мне. Кажется, никому я не был нужен. Может быть, позвонить матери? Когда я звонил ей в последний раз? Месяца три назад. Но в той части света, где я оставил ее, была уже ночь, и в такое время она просто не возьмет трубку. А даже если возьмет – что я скажу ей? “Привет, мам. Мне так одиноко. Поговори со мной”. Но я не смогу вымолвить это. Я точно знал, что не смогу.

Одиночество распростерло мне навстречу свои корявые сухие руки, стремясь заключить в объятия. Я старался обойти старуху, но руки ее были настолько длинные, что с какой бы стороны я не пытался проскользнуть мимо, она все равно дотягивалась до меня и хватала за душу, сжимая в костлявых пальцах сердце.

Я не выдержал и позвонил единственному другу, который мог меня поддержать, Лансу.

– Эй, амиго, что делаешь? – спросил я его.

– Так, ничего особенного, – ответил он. – На барабанах стучу.

Ланс играл в местной рок-группе ударником. Группа называлась “Козырная дама”. Концерты они давали редко, потому что все люди, занятые в банде, были взрослыми семейными людьми, и их основная профессия была далека от поэзии, бас-гитар и вокального искусства. Я слышал их музыку, но как по мне, так слабовато. Даже скорее не слабовато, а просто не в моем вкусе. Я не очень любил рок.

Дома у него стояла современная барабанная установка: к ней подключались внешние динамики или динамики в зависимости от того, хотел ли он пошуметь или поиграть для себя одного среди ночи, чтобы не докучать соседям.

– Не хочешь пива попить где-нибудь? Если ты не сильно занят, – умоляюще добавил я.

– Эй, с удовольствием. Тем более что я послезавтра улетаю в Сеул. Мне уже некогда будет выходить. Завтра очень много работы, надо все дела доделать.

– В Сеул? Что ты забыл в Сеуле?

– А, международная конференция по климатическим изменениям. Барселона, Рим. Потом Сеул. Потом Квебек. Меня не будет две недели.

Ланс работал на правительственную организацию и возглавлял департамент по климату, что придатком проросла прямо из ООН и пустила корни в эквадорской администрации; эта контора сотрудничала с аналогичными структурами из других стран. Что-то они там исследовали по поводу глобальных климатических изменений, работали над проблемами загрязнения окружающей среды, и прочее. Интересная, должно быть, работа, но он никогда о ней в подробностях не рассказывал, и я в точности не знал, чем именно он там занимается. Иногда они отправляли его в другие страны с докладами, по семинарам и конференциям. Таким образом Ланс объездил почти весь земной шар. Хотя он и говорил, что ничего толком не видел в своих далеких путешествиях, кроме лобби отелей и залов заседаний, он явно скромничал.

Мы встретились в кафе “Калабаса” в двух кварталах от наших домов. Заказали по порции жареной картошки с курицей под темным винным соусом и по кружке холодного пива.

– Так тебе нужна девушка, стало быть, чтобы спастись от одиночества? – сказал он, когда мы чокнулись и отхлебнули по глотку пенного напитка. – И ты решил обратиться за помощью ко мне? Но я, боюсь, не в силах помочь тебе с этим... Сам иногда страдаю подобной ерундой. И мне бывает одиноко.

– Тебе? Одиноко? Да у тебя в каждой подворотне знакомая женщина найдется, которая будет не прочь дать тебе испить из источника ласк и наслаждений, чтобы утолить жажду.

– Это, может быть, и так. Но насколько я тебя понял, ты ищешь несколько иных ощущений. Ты же привязанность ищешь. Внутреннего успокоения. Гармонии, может быть. Химии, мать ее. Но с этим я тебе помочь никак не могу. Мы можем пойти в какое-нибудь грязное заведение – тут их пруд пруди. Или в квартал проституток, хочешь? Я знаю, где это место. Там такие кубинки работают. Горячие. Сочные. Страстные. Закачаешься. Или в дискотечку, как тогда. Тоже без проблем найдешь себе подружку. Но это все не то. Не по твоей части. У тебя душа явно ищет чего-то поинтереснее, я прав?

– Возможно. Очень даже может быть.

– Дело в том, что девки, которые там обитают, не все, но подавляющее большинство, процентов восемьдесят пять, – им ничего в жизни больше не надо, как потрахаться, выпить, покурить, поразвлекаться, одним словом. Оттянуться до одурения, а на следующей неделе опять в клуб. Они хотят, чтобы их подцепили. Им это нравится, каждый раз испытывать новые ощущения. Согласен, секс, выпивка и никотин – это главные в жизни вещи. Но до определенного момента. Когда этот момент проходит, все это дерьмо уже не вставляет так, как раньше. Мне кажется, этого поворотного пункта ты и достиг сейчас. Наверное, в голове твоей сейчас стали рождаться мысли, как найти любовь. Полюбить по-настоящему. Может быть, семью основать. Я прав?

– Вполне вероятно, что и прав, – я опустил глаза, отхлебывая еще из своего бокала.

– У меня тоже это время прошло. Но я не прочь иногда тряхнуть стариной и отправиться на поиски приключений. Где-то в глубине души я может тоже желаю того же, что и ты? Но что мне остается? Ждать и ловить удачу. Другого способа я не нахожу.

Я знал, что Ланс был раньше женат, а потом разведен. У него была семилетняя дочь, с которой он встречался по выходным: водил ее в кино, покупал мороженое, ходил с ней в парк аттракционов. В общем, делал то, что делают обычные отцы в разводе с матерью. Еще часть денег со своей зарплаты он переводил на счет своей бывшей жены на настоящее и будущее образование ребенка. Почему он развелся, я мог лишь догадываться. Может быть она оказалась просто не такой женщиной, а какой он мечтал, но он понял это слишком поздно. Может быть какие-то моральные качества в нем подкачали, за что ему пришлось расплатиться разваленным браком. Теперь она жила с другим мужчиной. И возможно дочь его называла папой другого. А Ланс до сих пор был один. Иногда он встречался с девушкой, порой даже несколько месяцев. Но потом разочаровывался в каждой из них.

– И то ладно, – заключил я. Собеседник из меня в тот вечер вышел никудышный. Я больше слушал, чем говорил.

– Конечно. Удача не обойдет тебя стороной. В мире хватает одиночества. И одиноких женщин тоже до хрена. Среди них рано или поздно найдется та, с которой тебе захочется воссоединиться. Как это делать, ты и сам прекрасно знаешь. Но не стоит выбирать себе в спутницы жизни первую попавшуюся, которая кажется подходящей парой. С такой наверняка станет скучно через несколько лет, и начнешь заглядываться на других цыпочек помоложе и посимпатичнее. А если выберешь самую лучшую, да еще такую, которая не даст тебе покоя, но и счастье будет приносить, – тогда при определенных обоюдных усилиях семейная идиллия вполне возможна. Говорю это тебе по своему опыту, – он потряс указательным пальцем, и глаза его лукаво заблестели.

Принесли наш ужин. С чувством полного удовлетворения мы принялись разделять филе курицы, поданной на загоревшем до черноты алюминиевом подносе и политой коричневой сладковатой приправой, прямо из печки. Жареный картофель еще шипел с ней рядом. Ланс добавил острого соуса в свою еду, я ограничился майонезом. Было очень вкусно и питательно.

– Знаешь, есть еще кое-что, что меня беспокоит, – начал я, разжевывая несколько первых кусочков. – В последние дни мне стали сниться странные сны. Я пока еще плохо их запоминаю, отчасти они повторяются, но каждый раз с вариациями. И в них появляется что-то новое. Это

как... как предупреждение, что ли. Ничего не понимаю. Никогда ничего подобного со мною не случилось прежде. Сон с продолжением, но о чем он хочет мне сказать, этого я никак не пойму.

– Брат, сны – это не ко мне. К гадалке обратись, – он рассмеялся.

Я замаял эту тему, поняв, что ему это неинтересно. Наверняка сам он никаких снов не видел, только темные пятна в плотном тумане...

Мы доели и сразу же после этого расстались. Я решил развеяться немного и съездить в деловой центр города, посмотреть в большом мультикино театре последний блокбастер, рекламу которого можно было увидеть во многих местах. Но едва я приблизился к коммерческому центру, как желание отпало напрочь: на большом экране у входа крутили кадры из фильма, и с одного взгляда на афишу стало понятно, о чем будет этот шедевр: очередной супергерой будет спасать мир от мегазлодея, попутно встретит свою любовь, блондинку со смазливый личиком, и все кончится конечно же благополучнее некуда. Планета будет рукоплескать этому сверхчеловеку, пафосная музыка польется из динамиков, затопит весь зал и достигнет горла, и, до свидания, дорогой зритель, до следующей серии через полтора-два года. От этой представившейся в голове картины мне стало совсем не по себе, и я развернулся и пошел прочь.

Несколько минут я просто шагал вдоль проспекта. Отели и закрытые офисные здания поблескивали тонированными стеклами, кое-где горел свет. Машины гудели и сновали по широкой дороге. Мороженщики с передвижными лотками ездили по тротуарам, поминутно останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Высокие пальмы с толстыми стволами на разделительной полосе грузно раскинули вокруг себя полосатые вайи. Свет фар то и дело бил в глаза, сосредоточенные на чем-то своем пешеходы топали в толчее, парни с рюкзаками на спинах и в наушниках поверх бейсболок сновали мимо: жил вечерней жизнью большой торопливый город, пахнущий выхлопными газами и жареными сосисками.

Рядом с этой светливой рекой из автомобилей находился небольшой тихий парк с искусственным озером, где люди катались на катамаранах и лодочках, и небольшая старомодная площадка с музыкой из эпохи грампластинок, где пожилые люди под звуки сальсы спокойно танцевали и с достоинством кружились, ровно держа свои спины. Под мягким светом уличных ламп это казалось романтичным и полным какого-то скрытого смысла. Я выкурил сигарету на скамейке, побродил по аллее, потом залез в длинный белый автобус-гармошку и поехал домой.

Когда только я забрался внутрь на заднюю площадку, полную народу, кто-то вцепился в мой локоть, и держался, пока поток людей не наводнил все свободное пространство. Потом этот кто-то оказался прямо передо мной, и это была девушка в белом джинсовом костюме и белых же облегающих брюках. Распущенные темные волосы струились по плечам, расплескавшись по груди, красивые темные глаза поблескивали в полумраке, пока автобус трогался с места. Она смотрела прямо на меня, и долго не отводила взгляд. Смуглая кожа, крупный нос, но лицо скорее привлекательное, чем отталкивающее. Мы стояли так друг напротив друга и буравили друг друга, сердце мое быстро заколотилось, я не выдержал и, смущенный, отвел взгляд, не сумев удержаться от улыбки. Она тоже отвела взгляд, и губы ее тоже нескромно расплылись. Так мы бросали друг на друга приветственные взгляды, отводили их, но она всегда выходила победителем в этом молчаливом противостоянии, и вот я уже собрался было открыть рот, чтобы узнать, что все это значит, но на одной из следующих остановок ворвавшаяся в салон толпа людей оттеснила ее в сторону, и она остановилась примерно в двух метрах от меня, вцепившись в поручень. Я устоял на месте, но за спинами множества пассажиров ее почти не было видно. Но она все еще стояла там, чуть в отдалении, и ехала до конечной остановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.